

Аннелис Яндт

Смутные времена

Из моих
Воспоминаний

Copyright © 2006 by Annelies Jandt, Pinneberg
ISBN-13: 978 3 8370 1530 0

Немецкая национальная библиотека включила данную публикацию
в Немецкую национальную библиографию;
Подробные библиографические данные доступны в Интернете по адресу:

<http://dnb.d-nb.de>.

Редактирование и обработка текста: Гудрун Яндт;
Верстка и обработка изображений: Кьен Яндт и Хорст Мюллер
Производство и издание: Books on Demand GmbH, Нордерштедт
На обложке автор изображен в дрезденском Цвингере в 1934 году.

Рождение Гудрун и конец войны

Роды приближались всё ближе. Мы зарегистрировались в трёх местах: в больнице в Таннвальд-Шумбурге, у акушерки в Обертаннвальде и в родильном доме в Габлонце. 27 апреля начались слабые схватки. Поскольку я не имела понятия — это был мой первый ребёнок — я подумала, что малыш вот-вот появится на свет. Эрнст отвёз меня в больницу на тележке (я хотела идти пешком, но он не разрешил, так он был обеспокоен), однако медсестра там сказала, чтобы я спокойно шла домой и возвращалась на следующее утро.

В больнице мне совсем не понравилось. Пять или шесть женщин лежали в тесной комнате с ужасным воздухом и ждали появления своих малышей. Я была рада, что смогла уйти. На следующее утро мы поехали на поезде в Габлонц. Родильный дом мне понравился больше. У меня была отдельная комната; в родильном зале я тоже была одна; это было связано с тем, что это были последние роды, которые там проводились. Большая часть персонала и несколько врачей уже бежали от приближающегося фронта. За десять минут до полуночи на свет появилась моя маленькая Гудрун (она весила всего 5 фунтов 4 унции), и я была счастлива. Поскольку после родов мне наложили швы, мне пришлось оставаться в постели ещё несколько дней. Кровать Гудрун стояла в моей комнате, так что я могла видеть её днём. Ночью её уносили, и утром я уже слышала её звонкий голосок, когда медсестра приносила её для кормления.

Эрнст часто навещал меня, мама тоже иногда приходила. Когда Эрнст 1 мая принёс новость о самоубийстве Гитлера, мы оба плакали. Мы плакали не из-за Гитлера, но теперь стало ясно, что война проиграна, и мы не знали, что будет дальше. В какое будущее мы пожелали нашего ребёнка! Мы были печальны. 7 мая меня должны были выписать из клиники, но не было возможности найти транспорт, который бы довёз нас до вокзала. Акушерка сказала, что к следующему дню она точно найдёт для меня машину, но я хотела домой. Так что мы пошли на вокзал пешком, и всё прошло хорошо. Какое счастье! На следующий день была капитуляция, и поезда больше не ходили. Улицы были забиты возвращающимися солдатами, которые все хотели избежать русского плена. Я не знаю, как бы я смогла тогда вернуться домой.

Тем временем мама достала по талону «народную детскую коляску». Матраса для неё уже не было, поэтому она сделала его сама, набив тканевый мешок сеном. Было очень волнительно внезапно иметь малыша, ещё одного человека в квартире. В один из первых дней, когда я как раз собиралась переодеть Гудрун, появились низколетящие самолёты и начали стрелять из пулемётов. Мы быстро выбежали в коридор, ведь пуля могла легко залететь в окно и попасть в нас. Мы просидели там довольно долго, прежде чем осмелились вернуться в комнату. К счастью, самолёты больше не вернулись.

Я могла кормить грудью, но через короткое время у меня началось воспаление молочной железы. Врач выписал мне мазь и таблетки, которые Эрнст должен был забрать в аптеке в Таннвальд-Шумбурге. Это было как минимум полчаса ходьбы вдоль опушки леса. На обратном пути его остановил русский солдат и сначала проверил, есть ли у Эрнста что-то ценное. Он нашёл его золотую ручку с четырьмя стержнями и забрал её. Затем он спросил, зачем Эрнст шёл этой дорогой. Эрнст объяснил, что его жена больна и он пошёл в аптеку за лекарствами, которые выписал врач. Солдат понял только слово «доктор» и решил, что Эрнст

— врач. Тогда его заставили пойти в помещение, где жили русские солдаты, и там лежал офицер с больной ногой — у него был огромный фурункул. Эрнст был достаточно находчив, чтобы сыграть эту роль. Сначала он попросил горячую воду и чистую ткань, вымыл руки и область вокруг раны, а затем изо всех сил выдавил гной. Офицер закричал, но терпел. Затем Эрнст кое-как перевязал рану и дал пациенту две таблетки, которые, кстати, были против воспаления и, возможно, помогли. После этого ему разрешили уйти. Солдат проводил его, похлопал по плечу и вернул золотую ручку. Дома мы тем временем очень волновались и представляли себе худшее, ведь в то время людей часто забирали с улицы, и никто не знал, увидишь ли ты их снова. Как мы были счастливы, когда Эрнст вернулся! Он рассказал нам о своём приключении, и я восхищалась тем, как он, несмотря на сильный страх, действовал так умно и без паники.

Война закончилась, но для нас началось беспокойное и трудное время. Мы получали скудные продуктовые карточки: почти никакого мяса, яиц, мало жира и хлеба. Молоко выдавали только детям — четверть литра в день. Мы знали одну немецкую крестьянку, фрау Шнабель, у которой мы всегда брали молоко и масло; она давала мне через день три четверти литра молока. Больше она не могла, так как её строго контролировали. Летом мы почти каждый день ходили в лес за грибами, хотя это было запрещено. Это время помогло нам научиться разбираться в грибах. С грибным справочником мы отправлялись в лес и собирали всё съедобное. Большой удачей было то, что осенью нам разрешили помочь фрау Шнабель с уборкой картофеля, за что мы получили центнер картошки. Когда мы работали, она в обед приносила «бротцайт» — перекус. Такой домашний хлеб с домашним маслом никогда больше не казался мне таким вкусным, как тогда.

Все немцы должны были носить белую повязку на рукаве. Бывало, что женщин просто забирали на какие-нибудь работы. Например, Гретхен Гюнтер должна была убирать помещения, оставленные русскими солдатами, и они были в ужасном состоянии. Особенно страшно выглядели туалеты, потому что русские не садились на унитаз, а стояли; в России туалеты чаще всего представляли собой просто яму с двумя досками рядом.

Многие судетские немцы были депортированы; их отправляли в лагеря, где с ними обращались очень плохо, прежде чем высылали в Германию. Им разрешалось брать с собой только 30 килограммов багажа, и чаще всего их забирали ночью, без предупреждения. Мы сами слышали, как ночью в соседних домах люди кричали и плакали, а на следующий день их уже не было.

Около 20 мая было объявлено, что все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет должны явиться утром на рыночную площадь с небольшим запасом еды и одеялом. Мы были в таком отчаянии, что даже не могли плакать. Когда мы в последний раз сидели рядом на диване, Эрнст обнял меня и сказал, что хотел застрелить нас всех (на работе перед самым концом войны всем сотрудникам выдали пистолеты), но когда он увидел маленькую Гудрун в её кровати, он понял, что не сможет этого сделать. Тогда он отдал мне пистолет, чтобы я его где-нибудь закопала. Я так и сделала, ведь нам нельзя было иметь оружие. Эрнст уехал, и мы понятия не имели, увидимся ли когда-нибудь снова. Я чувствовала себя так, будто умерла внутри; никто не знал, какой должна быть жизнь. Тогда моя мама оказала мне большую поддержку.

Примерно через неделю распространился слух, что наших людей расположили на лугу в Морхенштерне. Госпожа Мацке каким-то образом узнала об этом. Мы собрали все, что можно съесть и попить, положили в коляску и отправились в путь. Мы обнаружили мужчин под охраной российских солдат. Мы были счастливы и грустны одновременно, потому что

знали, что скоро нам снова придется расстаться, и, возможно, навсегда. Через некоторое время Гудрун начала плакать в коляске, потому что она была голодна. Русский солдат сразу понял, что происходит, и жестом пригласил меня пройти за ним. Поэтому я пошла за ним в дом с ребенком. Женщина впустила меня, чтобы я могла спокойно покормить ребенка грудью. Нам удалось побыть с Эрнстом некоторое время, а затем нам пришлось уйти и снова попрощаться.

Через несколько дней снова поползли слухи: мужчины вернулись, они находятся на территории завода, и нам разрешили навещать их в обеденное время. Мы сразу же приготовили «штоппелен» — блюдо, которое Эрнст особенно любил. Это маленькие колбаски из картофельного теста, которые поливают коричневым маслом и посыпают сахаром с корицей. Когда мы пришли, нас переполняли радость и счастье от того, что все наши мужчины смогли вернуться. Это заслуга доктора Шуберта, директора телевизионной компании. Он обратился к влиятельному чеху и объяснил ему, что компания может быть очень важна для Чехословакии, и тот согласился. Немедленно они отправились вслед за колонной. Когда они догнали ее, чех начал переговоры с русским командиром. В итоге все сотрудники телевизионной компании и важной прядильной фабрики в Таннвальде (Прибш) должны были выйти из колонны и начать возвращение. Позже Эрнст говорил, что это было ужасное чувство — видеть отчаяние тех, кто остался, и не иметь возможности им помочь. Годы спустя мы узнали, что большинство мужчин пропали без вести, и лишь немногим удалось избежать повторного захвата русскими.

Мужчинам пришлось остаться на территории фабрики на несколько дней, чтобы их больше не поймали. Но видимо теперь русскому верховному командованию стало известно о телекомпании. Через несколько дней они конфисковали всю компанию и арестовали доктора Шуберта, попавшего в плен и освобожденного лишь через восемь лет. Нам выдали специальные удостоверения личности, чтобы чехи не могли просто так забрать нас с улицы и поручить какую-нибудь работу. Итак, сначала чехи спасли людей от русского плена, но теперь пришло время русским защитить нас от чехов.

Время от времени советские власти раздавали продукты. Теперь Эрнст иногда приносил домой макароны, рис, масло, маргарин и даже мясо, правда, конину. Русские конфисковали всех лошадей и связывали им передние ноги, чтобы те не могли убежать перед тем, как их угонят в Россию. Некоторые животные получали травмы, и их просто забивали.

Несмотря на это, еды всё равно не хватало, и Эрнст обменял свой велосипед на масло и колбасу, а также свою фрачную рубашку, ведь она ему больше не была нужна. Я часто ходила с бабушкой в лес за дровами и грибами, и в большой корзине всегда находилось место для картошки и свежей моркови, которую мы воровали с полей. В конце лета мы восполняли потребность в витаминах черникой, которой в лесу было в изобилии.

Что касается погоды, то лето было прекрасным. Днём я всегда выставляла коляску в сад возле дома; там был большой луг с деревьями. Когда Гудрун становилось некомфортно, она своим звонким голоском начинала кричать так громко, что я легко могла слышать её из квартиры наверху. Однажды я услышала её даже из леса, когда собирала грибы. Но когда я вернулась домой, бабушка уже успокоила её.

Однажды раздался звонок, и на пороге стоял молодой русский офицер. Он вызывающе смотрел на меня, стучал хлыстом по своим кожаным сапогам, вошёл в квартиру и прошёл через кухню в спальню, где в кровати лежала Гудрун. Мне было очень страшно, но я старалась не показывать этого. К счастью, мужчина заметил на столе генератор качающейся частоты, который Эрнст часто использовал для своих поделок. Видимо, он решил, что обнаружил шпиона, и поспешно покинул нашу квартиру.

Через некоторое время появились четыре чешских солдата, которые провели обыск. Русский офицер их вызвал. Они перерыли всё и обнаружили маленькое самодельное радио, которое, конечно же, нам нельзя было иметь. Все электрические приборы и инструменты Эрнста они собрали в наш большой дорожный чемодан, который затем унесли, вместе с моим велосипедом, который они конфисковали и даже выдали мне квитанцию. Я сразу побежала на завод к Эрнсту, и ему удалось добиться, чтобы чехи отвезли его вещи на завод, где они и остались. Но мой велосипед был потерян.

Всё это было большим потрясением. Сердце у меня колотилось так сильно, что, казалось, выпрыгнет из груди. Целый день у меня почти не было молока для кормления.

Однажды осенью инженеров и техников пригласили на обед к полковнику Соколову, где им сообщили, что их хотят отправить в Россию, где они смогут прекрасно работать и развивать телевидение для великой страны. Им обещали квартиры, мебель и домашнюю утварь, которые можно будет взять с собой. После короткого срока раздумий все должны были принять решение. Однако, поскольку почти никто не хотел ехать, полковник раскрыл карты: основная группа должна была отправиться в Москву в любом случае. Если семьи не поедут, мужчин отправят одних. Но мы этого не хотели! В такое время мы ни за что не хотели разлучаться. Поэтому мы решили поехать в Москву, так как Эрнст входил в основную группу. Это были, насколько я помню, девять инженеров и пять техников.

Россия

Выезд в Советский Союз

В начале декабря мы узнали, что поездка начнется пятнадцатого числа. Русские доставили коробки, но, конечно, нам пришлось упаковать их самим. Это было лучше, потому что мы знали, что ничего не пропадет. Мужчинам пришлось соорудить деревянные рамы в товарных вагонах, чтобы мы могли положить на них наши матрасы. В последний день пришли русские солдаты, погрузили ящики и мебель на машину и отвезли все на поезд. Они даже забрали с собой железную кухонную плиту, которая нам не принадлежала, сказав, что мы сможем использовать ее с пользой, и они были правы. На улице была холодная, ясная лунная ночь. Снег хрустел под ногами. Гудрун лежала в теплой коляске.

Рисунок 31: Перерыв во время поездки. В вагоне моя мама с Гудрун и я; 1945

В дополнение к постельным принадлежностям мы также завернули ее в две кроличьи шкурки, которые нам прислал дедушка. Рядом с ней стояла небольшая коричневая коробка с сахаром на случай, если она станет беспокойной и нам придется подсластить ее соску. Но она лежала неподвижно и смотрела в ночь широко открытыми глазами. Двое российских солдат последовали за нами, чтобы убедиться, что мы действительно поехали на вокзал. Чувства у

меня были смешанные: с одной стороны, некоторый страх и неуверенность, с другой стороны, надежда, что все пройдет хорошо, а также немного жажды приключений.

Семья Мацке с Хильтруд и Гисбертом и мистером Сигелом также жила в нашем товарном вагоне. В середине каждого вагона стояла железная печь, а также имелось немного топлива.

На следующее утро поезд остановился где-то, и нам нужно было запастись провизией. Еды было много, и всё это было бывшее провиантское снабжение вермахта. Туалета в вагоне у нас не было, приходилось пользоваться ведром и ночным горшком. Когда поезд останавливался, а это происходило часто, мы всё выливали. Правда, мы также использовали остановки, чтобы справлять нужду на улице. Но это всегда было немного волнительно, ведь никогда не знаешь, когда поезд снова тронется.

Когда локомотив заправлялся водой, мы тоже получали воду. Часто поезд останавливался на сортировочных станциях. Там стояли и другие товарные поезда, в том числе гружёные углём. Тогда звучало: «За углём!»

Рисунок 32: Перерыв во время поездки; 1945

Все мужчины разбегались с вёдрами и лопатами, чтобы под присмотром русских украсть уголь.

Когда поезд трогался, он дёргался так сильно, что однажды ночью наша железная печка опрокинулась. Мы мгновенно вскочили с кроватей, чтобы поставить её обратно и выбросить остатки углей, чтобы вагон не загорелся. Несколько котелков упали, но ничего не разбилось.

Из-за тряски и качки обед легко выплёскивался из котелка, и тогда Эрнст придумал подвесить котелок на трёх точках. Он попробовал, и это сработало отлично. Мы сидели вокруг печки, а над ней висел котелок с ароматным рагу.

Внезапно подвесной ремешок соскользнул, и большая часть горячего супа вылилась на ногу господина Зигеля и его единственные брюки. Не знаешь, плакать или смеяться. Господина Зигеля было жалко, и пролитый суп тоже. Но ситуация была очень забавной.

Моя маленькая Гудрун, конечно, была полностью вырвана из привычной обстановки из-за этого путешествия. Она была дружелюбной и темпераментной, как всегда, но ела теперь плохо. В Таннвальде она с жадностью уплетала морковное пюре, но теперь ела его мало и без аппетита. К счастью, я ещё могла кормить её грудью, так что она получала свою порцию молока. Мне не нужно было покупать молоко у крестьянок, которые всегда подходили к поезду, когда мы где-то останавливались. Мы получали свежие овощи и птицу, хотя нам приходилось предлагать что-то для обмена — носки или другие текстильные изделия, ведь наши деньги для них ничего не стоили.

Купать малышку я могла только изредка, да и то в предварительно хорошо вымытом ведре для воды. Каждый день это было невозможно — у нас не было столько воды.

Мы ехали южным маршрутом, так как на севере были беспорядки. Когда мы добрались до Карпат, было Рождество. Нашей ёлкой стала большая еловая ветка, которую мы прибили к двери. Погода была тёплой, и, так как у нас была длительная остановка, мы вынесли стол и стулья на улицу и могли завтракать на солнце.

Вскоре мы подъехали к русской границе. Поскольку русская железная дорога имела более широкую колею, нам пришлось перейти в другие вагоны. Теперь мы жили вместе с семьёй Вильке, у которой было четверо детей. Самую младшую звали Ундина, и мы всегда улыбались, когда девочка шумела, а отец кричал: «Ундина, заткнись!»

Русские паровозы гудели так же, как наши корабли, — громко и часто. Гудрун каждый раз ужасно пугалась. Поэтому я заранее закрывала ей уши, когда слышала, что приближается поезд. В воздухе было много сажи. Крошечные ноздри малышки постоянно становились совсем чёрными.

В вагонах с каждой стороны было два узких окна. Так мы могли выглядывать наружу, не открывая двери. Наконец, вечером мы приблизились к большому городу — это была Москва. Мы удивились, почему все окна были освещены, ведь тогда мы ещё не знали, что каждая семья жила всего в одной комнате.

На следующее утро, 9 января 1946 года, поезд остановился на крошечной станции примерно в 30 км от Москвы: во Фрязино.

Фрязино

Было много снега, но светило солнце и моросил небольшой дождь. Нас с вещами отвезли на открытых грузовиках в дома, которые находились примерно в 2 км от железнодорожной станции. По дороге мы встретили немецких военнопленных, которые работали там в лесу. Мы были размещены вместе с другими семьями инженеров в большом «каменном доме», в то время как некоторые техники должны были жить в примитивных деревянных домах. Мы делили трехкомнатную квартиру с семьей Леглер (двое детей) и семьей Тимм (один ребенок). Поскольку с нами была и моя мама, нам досталась самая большая комната. Мы делили большую кухню, для которой мы могли с пользой использовать нашу кухонную плиту из Таннвальда. Мы готовили на ней вместе с миссис Леглер; миссис Тимм имела в своем распоряжении большую русскую кирпичную печь, хотя у нее была только одна конфорка. В квартире был довольно большой коридор, внутренний туалет и даже ванная, но она была пуста, только соединения торчали из стены. Перед ней был небольшой балкон с пожарной лестницей. Но там ничего не разрешалось держать, это могло быть украдено. В первую ночь Шаусы выставили детский стульчик, но к утру его уже не было. Мы также не могли пользоваться чердаком, о чем сначала не знали.

Мы привезли старый деревянный сундук, для которого не нашлось места в квартире. Через несколько дней мы слышали, как кто-то рубит дрова на чердаке, но мы понятия не имели, что это наш сундук. Мы увидели это только позже, когда на земле лежали лишь несколько щепок и большой старый замок. Конечно, «Мальчики» изрубили сундук и продали его на дрова.

«Мальчики» были подростками, которые жили в трудовых лагерях и, вероятно, имели очень мало денег. Они воровали, как вороны. Конечно, их строго наказывали, если ловили, но их просто не ловили, они сами об этом заботились. Например, когда мы позже жили в финских домиках, с одним нашим товарищем произошло следующее: вокруг участков были дощатые заборы. У его забора была большая дыра, и он хотел её заделать. Он спросил мальчиков (они приходили почти каждый день и хотели что-нибудь продать), могут ли они достать ему доски для забора. Они сказали, что могут. Через несколько дней они ночью принесли то, что он просил. Товарищ обрадовался и заплатил. На следующий день, когда рассвело, он увидел, что его забор стал намного короче. Мальчики продали ему его собственные доски.

Когда мы въехали в квартиру, нас, конечно, разочаровала теснота, но мы смирились с этим и были просто счастливы жить в прочном, даже централизованно отапливаемом доме. И что мы особенно ценили, так это водопровод. В первый же день я тщательно помылась под струей ледяной воды, это было блаженство! После трёх недель умывания, как кошки!

Я думаю, русские хорошо знали, что после этого переезда мы будем довольны только тогда, когда у каждой семьи будет своя комната. Это было только для начала, позже всё должно было стать лучше. В обещаниях они были щедры, но с их выполнением были проблемы. Нашу комнату мы делили с шкафом и занавеской. За ними стояли наши кровати и кроватка Гудрун. Сразу при входе в комнату слева был обеденный стол и стулья, справа в углу диван, на котором спала бабушка. Наш синий ковёр мы не могли постелить, поэтому повесили его на стену рядом с диваном. Мы немного разделили обязанности: бабушка занималась готовкой и выпечкой, а я всем остальным. Мы помогали друг другу, но основные обязанности были распределены. Если мы обе были заняты на кухне, Гудрун, конечно, тоже была с нами. Первые месяцы она лежала в своей коляске и играла ручками и ножками. Например, маленькую куклу с очень широкой

вязаной юбкой она зажимала между ножек и крутила её туда-сюда, так что юбка развевалась. Ей также нравилось держать в ручках маленький комочек ваты. Но если ей нужно было использовать руки для чего-то другого, она зажимала вату между пальцами ног и потом снова брала её. Это выглядело очень забавно, когда она управлялась всеми четырьмя конечностями в воздухе.

На улице было очень холодно. У нас были двойные окна, внешние были сильно покрыты льдом, так что невозможно было выглянуть наружу. Только маленькую форточку можно было открыть для проветривания, но её всегда закрывали через короткое время. Мы тоже хотели подышать свежим воздухом и решились выйти. Гудрун в коляске мы могли укутать тепло, но мы сами ужасно мёрзли, особенно ноги. Наши кожаные ботинки были слишком тонкими, к тому же на дорогах, которые не чистили и не посыпали уже несколько месяцев, было очень скользко. Когда появлялись “продукты”, и мы шли за покупками, нам приходилось долго стоять в очереди, и мы отмораживали ноги, потому что в магазине не было отопления. Русские носили валенки — это сапоги, сделанные из прессованного войлока. Их было очень трудно достать в разгар зимы. Мужчины, кажется, получали их на работе, но мы, женщины, нет. Тогда Эрнст и господин Леглер придумали идею: они украли с завода одну из толстых войлочных плит, которые использовались как подкладка для тяжёлых машин. Вынести её с территории завода было не так просто, потому что на воротах были проверки, которые должны были предотвратить воровство. Господин Леглер обмотал плиту вокруг тела и надел зимнее пальто. Так он гордо и немного скованно вышел за ворота, но ему пришлось быть очень осторожным, чтобы не поскользнуться на гладком снегу, потому что без помощи он бы не смог подняться. Всё прошло хорошо.

Теперь оба мужчины сшили нам валенки. Голенище доходило до колена и состояло из двух частей, которые были вырезаны по мерке и сшиты спереди и сзади красивым декоративным швом. Подошва также была пришита. У валенок госпожи Леглер были красные декоративные швы, у моих — синие. Валенки выглядели так красиво, что русские женщины часто спрашивали нас, где мы их купили.

Теперь наши ноги оставались в тепле, и мы больше не скользили на льду и снегу. Когда наступала оттепель, мы надевали сверху резиновые галоши, чтобы войлок не намок. Теперь мы были немного терпеливее, когда приходилось долго стоять в очереди за покупками. Однако нас всегда раздражало, когда жена "начальника", то есть жена директора, гордо проходила мимо очереди и её сразу обслуживали. Русские считали это совершенно естественным, директору это полагалось. Они и нам не завидовали, из-за того, что у нас были лучшие продуктовые карточки, чем у них, простых людей. Наши мужчины были специалистами, они это заслужили.

Во Фрязино поход за покупками часто становился настоящим приключением. Кто-то из нас слышал, что появились продукты. Это могло быть даже поздней ночью. Сразу же передавалась важная новость, и через несколько минут мы все собирались в «магазине» — так назывались продуктовые магазины. Если не поторопиться, можно было ничего не получить. Товары поступали партиями. Например, если появлялось свежее мясо, его покупали сразу на две недели, потому что кто знает, когда оно снова появится. В то время нельзя было выбирать конкретный кусок. Если на прилавке лежала половина свиньи или четверть говядины, их распиливали на куски. Когда подходила твоя очередь, ты получал следующий кусок; если повезёт, это было мясо, а если не повезёт — много костей. Однажды мы долго не получали мяса, а потом появились только сосиски. Нам пришлось потратить все мясные талоны за этот

месяц — а он уже подходил к концу — на сосиски. К счастью, было ещё холодно, так что они не испортились, но скоро нам эти сосиски надоели.

Запасы мы могли хранить в нашей так называемой ванной комнате. Мы объявили её кладовкой и не отапливали, так что там было довольно холодно. Летом мы чаще получали продукты длительного хранения, например, однажды нам принесли копчёные бараньи ноги. Многие другие продукты тоже поступали партиями, но это было не так заметно. Сахар, муку, крупу можно было запасать. Крупу нам приходилось долго трясти в сите, потому что в ней было много маленьких чёрных жучков, которые затем выпадали через сетку. Вскоре к нам стала приходить крестьянка, которая приносила молоко, картошку и немного овощей. Мы называли её «озёрной женщиной», потому что у неё была маленькая ферма у красивого озера, которое мы знали по летним прогулкам. В хорошую погоду по воскресеньям мы часто ходили туда «с детьми и домочадцами», с покрывалом и провизией (полчаса пешком). Там мы наслаждались свежим воздухом, тишиной и солнцем. Думаю, мы не купались в этом озере, оно было довольно сильно заросшее камышом.

Рисунок 33: На заднем плане — каменные дома; 1947

Лето было жарким, но воздух был сухим, так что жару можно было терпеть. Для Гудрун я получила от госпожи Леглер прогулочную коляску; она больше не нуждалась в ней, потому

что Гизеле уже было три года, а Уте — пять. Когда мы вывозили Гудрун на прогулку, часто подходили русские девочки, разговаривали с ней и иногда гладили. Мне это не очень нравилось, потому что однажды после такой встречи я нашла в светлых волосах Гудрун головную вошь. Тем не менее, мы радовались девочкам, они были очень милыми. В отличие от них, мальчики нас не любили. Иногда они кричали нам вслед: «Гитлер капут, Сталин гут!» Но они нам ничего не делали.

Мы часто ходили с коляской в ближайший лес. Он был нетронутым и первозданным, красивым смешанным лесом. Во время прогулок мы искали «сосновые шишки», которые прекрасно горели в кухонной плите. Осенью мы также находили там очень хорошие грибы. Иногда мы ходили за грибами даже утром, прежде чем мужчины уходили на работу. Там были подосиновики, подберёзовики, белые грибы и лисички.

Вскоре после нашего приезда нас посетило несколько военнопленных. Они радовались, что видят немецких женщин и детей и могут с ними поговорить. Они приносили нам дрова, а мы давали им что-нибудь поесть. У нас ещё оставалось много хлеба с дороги. Он был уже очень твёрдым, частично заплесневевшим и лежал в углу кухни, потому что мы хотели использовать его постепенно. Военнопленные забрали всё и были очень довольны. Они были очень голодны. Мы давали им и горячую еду, в зависимости от того, что у нас было в избытке. Один солдат приходил всегда в середине ночи, мы называли его «ночным солдатом». Он тихо стучал в дверь, и мама открывала, потому что её комната была прямо у входной двери. Она давала ему заранее приготовленную еду, а он приносил ей связку дров.

Однажды зимой утром отопление не включилось. Один из нас пошёл в соседний дом в котельную, чтобы узнать, в чём дело. Уголь закончился! До новой поставки прошло около недели. Всё это время мы, три семьи, жили на кухне, потому что там мы топили плиту. В своих комнатах мы только спали; находиться там было слишком холодно. Мы подозревали, что истопник продал уголь, и поэтому его не хватило. Точных подробностей мы так и не узнали. Дом был трёхэтажный, мы жили на верхнем этаже. Под нами жили русские. Мы мало о них слышали, только когда они устраивали праздник. Но это случалось редко. Тогда приходило много людей. Сначала мы слышали, как они разговаривают и беседуют, потом начинали петь и танцевать, становились всё громче и активнее. Потом вдруг наступала тишина. Мы представляли, что они все пьяные лежат где-то и спят, потому что через два или три часа праздник продолжался до утра.

Мы не держали на них зла. Однако кое-что другое было менее приятным. Через некоторое время мы обнаружили клопов в кроватях. Они поднимались по трубам отопления, которые, плохо изолированные, проходили через углы комнат по всему дому. Мы разобрали кровати и шкафы, уничтожили насекомых и рассыпали повсюду ДДТ, ведь тогда ещё не знали, насколько это вещество вредно для окружающей среды и для нас самих. Когда Эрнст внимательно осмотрел настенный ковёр, он чуть не упал в обморок: клопы сидели вертикально между шерстяными нитями на лицевой стороне. Ковёр был толстым, и им там было удобно. Ночью они питались кровью бабушки, которая ничего не замечала. У неё не было следов укусов, в отличие от Эрнста, у которого появлялись большие волдыри. У меня была реакция на блох, которые у нас тоже были, в виде крупных шишек. Эрнст вытащил всех насекомых пинцетом с ковра, который затем вынесли на улицу, выбили и опрыскали ДДТ. Кроме того, мы теперь внимательно следили за всем, чтобы клопы снова не размножились. Однако вечером мы уже не ложились спать так беспечно.

Эрнст даже нашёл клопов в институте под своей столешницей. Они были повсюду. Когда мы позже переехали в Ленинград и провели несколько ночей в хорошем отеле, мы сразу увидели на кроватях маленькие чёрные точки — следы клопов. Даже когда мы летом ехали в трамвае без чулок, эти твари кусали нас под коленями. Они сидели под деревянными сиденьями и поджидали, пока кто-нибудь сядет.

Со временем мы привыкли к ситуации и развили навык в обнаружении насекомых и ловле их.

Фрязино было очень маленькой деревней. Там было только два магазина: один для хлеба и один для остальных продуктов. Если нам нужно было что-то другое — одежда, обувь, иногда масло, сыр или что-то вкусное, — мы ехали в Москву. Но это каждый раз было приключением. Было два способа добраться до города. Мы могли пройти полчаса пешком до маленькой станции и сесть там на «кукушку» — старый поезд. Он сильно пыхтел и кряхтел. Поскольку он ходил редко, он обычно был переполнен. Даже на багажных полках сидели люди, и, если вам удавалось занять место на скамейке, перед вашим лицом болтались чужие ботинки. Пол был покрыт шелухой от семечек, которые русские любили грызть. Шелуху выплёвывали.

Поездка проходила через красивый лес, но занимала довольно много времени. Другой способ — дойти до дороги и поймать попутный грузовик до Щелкова. Это стоило один или два рубля, машины иногда были грязными, и забраться в них было нелегко, но из Щелкова ходила электричка, которая примерно за полчаса доезжала до Москвы.

Обычно мы ездили в город поодиночке, так как каждому нужно было что-то своё, и поиски могли занять много времени.

Каждую неделю проходил рынок, на котором крестьяне продавали излишки своих товаров. Но они были настолько дорогими, что мы не могли себе этого позволить. Я покупала немного свежих овощей для Гудрун и чуть-чуть фруктов, которые стоили три рубля, это я помню.

Масло, которое я сама готовила, тоже доставалось только Гудрун. Я снимала сливки с молока, собирала их в течение недели, а затем взбивала масло. Его хватало как раз на неделю. Мы ели хлеб всухомятку.

В Щелкове рынок был каждый день. Он был большим и почти как блошинный рынок. Там мы продавали вещи, которые нам больше не были нужны. Очень популярны были женские чулки. Но мы избавлялись и от всего остального. Бабушка продала своё чёрное плюшевое пальто, которое мы перед этим постирали, чтобы избавиться от запаха гари после бомбёжки Дрездена. Но теперь оно линяло, как только намокало. У Эрнста была серая велюровая шляпа, которая ему не пригодилась. Летом мужчины ничего не надевали на голову, а зимой носили меховые шапки. Эту шляпу купила пожилая женщина. Она сразу примерила её, посмотрела в карманное зеркальце и нашла, что выглядит отлично. Госпожа Леглер и я едва сдерживали смех, потому что она выглядела так забавно. К сожалению, я не помню, сколько она заплатила, но цена была неплохой.

На рынках нужно было особенно следить, чтобы ничего не украли. В Щелкове у меня из глубокой сумки вытащили кошелек с деньгами и продуктовыми карточками; я ничего не заметила. Когда я хотела что-то оплатить, его не оказалось. Хуже всего была потеря карточек. Но госпожа Мацке и госпожа Леглер — обе пережили подобное несчастье — поделились со мной карточками, так что мы справились. Я была не единственной, с кем это произошло. Почти все из нашей группы были обворованы. Одному мужчине даже в электричке, в толкотне (это было особенно опасно), разрезали пальто на грудном кармане и вытащили бумажник.

Однажды я хотела купить что-то в Москве в магазине деликатесов. Много людей стояло передо мной у прилавка, а также рядом и позади меня. Вдруг я вижу, как чья-то рука тянется к моей сумке. Я оборачиваюсь и успеваю заметить, как мужчина средних лет быстро уходит.

Долгое время у нас не было связи с Германией. Нам разрешалось писать письма, что мы и делали усердно, но ответов не приходило. На Рождество 1946 года мы получили письмо из Москвы. Это было странно. Эрнст как раз был в лесу вместе с господином Леглером, чтобы принести ёлки. Он открыл письмо, и мы увидели: это был немецкий почерк, немецкие слова. Мой кузен Дитер написал нам. В то время он работал автомехаником у русских. Один русский товарищ ехал обратно в Москву, и он передал ему письмо. Теперь мы знали, где были все наши родственники и как они поживают. Это был самый лучший рождественский подарок для нас. На этом Рождестве Эрнст нарядился Дедом Морозом для всех наших детей. Теперь у него было подходящее настроение для этого. Кто-то одолжил ему широкое пальто, в качестве шапки он надел два сшитых вместе кроличьих меха, а бороду сделал из ваты. Но весь этот наряд не помог. Когда он подошёл к Гудрун и заговорил с ней, она удивлённо сказала: «Папа переоделся!» Когда он вышел, чтобы пойти к другим семьям, она сунула свою ручку в его руку и хотела пойти с ним. Думаю, маленький ребёнок слышит голос, видит глаза и узнаёт своего отца, несмотря на маскировку.

Из письма Дитера стало ясно, что наша почта так и не дошла. Это стало совершенно очевидно, когда примерно через два месяца мы получили обратно все наши письма. По какой-то надуманной причине их якобы нельзя было отправить. В то же время мы узнали, что путь теперь свободен и мы можем отправлять письма и даже раз в месяц посылки. Радость была огромной. Однако нельзя было просто набить коробку. Мы должны были обшить деревянные ящики тканью, но сначала оставить одну сторону открытой, чтобы на почте всё можно было проверить. Мы брали иголку и нитку с собой на почту и зашивали «чехол» там. Сначала у нас не было ничего особенного для отправки, но мы уже могли откладывать зерно, муку, сахар. С тех пор родители Эрнста и мой отец каждый месяц получали посылку. Теперь мы тоже получали письма.

В культурном плане во Фрязино мы мало что могли себе позволить, в Ленинграде, конечно, было лучше. Однажды мы посетили оперу в Москве.

Дорога туда была долгой и утомительной: полчаса пешком и час на «кукушке». Затем ещё пешком до оперы. Поскольку мы не хотели тратить наши скудные деньги на перекус в антракте, мы взяли с собой бутерброды: чёрный хлеб с тартаром, так как нам как раз выдали говядину. Это была липкая масса, Эрнст вообще не любил есть сырое мясо. Что именно ставили, я уже не помню, но наши бутерброды я запомнила точно; также помню, что супруги Дресслер купили себе кусочек вкусной выпечки и что-то выпить. Они могли себе это позволить, у них не было детей, и они жили вдвоём на зарплату. Кроме того, госпожа Дресслер, будучи профессиональной портнихой, зарабатывала дополнительные деньги. Она шила для русских и для нас; это приносило неплохой доход. Наша бабушка тоже немного подрабатывала вязанием. В основном она вязала свитера и носки для господина Зигеля. Я тоже однажды заработала немного денег, написав на своей маленькой пишущей машинке для завода длинный отчёт на английском языке. К сожалению, выплата как раз совпала с обесцениванием денег, и вместо 800 рублей я получила только 80.

Осенью 1946 года Эрнст серьёзно заболел. Сначала у него был острый суставной ревматизм, а затем он заболел желтухой. Одно колено было особенно опухшим и большим. Русская врач посоветовала мне привязать его к доске. Когда я попыталась это сделать, Эрнст

закричал от боли, так что я, конечно, оставила эту затею. Я уже не помню точно, как долго Эрнст тогда болел, но это продолжалось несколько недель. Через некоторое время из фирмы пришёл какой-то начальник навестить Эрнста. На самом деле он, вероятно, хотел убедиться, что такая длительная болезнь действительно имела место. Эрнст похудел и выглядел совсем плохо, так что русский даже испугался. Он дал нам справку, по которой Эрнст вместо липкого чёрного хлеба мог получать хорошо пропечённый, более светлый хлеб. Кроме того, нам разрешили взять овощи на одном из складов. В этот склад я пошла с госпожой Леглер, так как она знала русский лучше меня. Там мы получили ведро квашеной капусты. Больше ничего не было. Мы обрадовались, это было лучше, чем совсем без овощей. Капуста была очень вкусной и замаринована с красными ягодами, похожими на бруснику. Постепенно Эрнст поправился и смог снова выйти на работу.

С Гудрун мне сначала время от времени приходилось ходить в поликлинику для взвешивания и проверки, здорова ли она. Да, она была здорова, но по русским меркам слишком худой. Русские младенцы были все толстенькие. Поэтому мне выдали талон, по которому я могла каждый день забирать в детском саду горшочек каши. Это была каша, сваренная на молоке и воде из манки, пшена или другого зерна. Она ела её не охотно, но немного всё же съедала, особенно если я улучшала кашу, например, добавляя морковь или яблоко. Овощи и фрукты, как уже говорилось, были на рынке очень дорогими. Если в магазине предлагали эти продукты, то они были плохого качества и часто уже наполовину испорченными. Осенью мы могли разнообразить наши блюда, собирая грибы — их было много, и разных видов.

Осенью 1947 года нам предложили переехать в финский домик, если мы чувствуем себя стеснёнными в нашей нынешней квартире. Финские домики были симпатичными деревянными домами, которые финны должны были построить для русских. Вместе с несколькими другими семьями мы согласились на это предложение. В конце октября настал момент переезда. Уже лежал снег, но в день переезда шёл дождь. Нам выделили открытые грузовики. Расстояние было небольшим, возможно, около километра, но все наши вещи промокли, когда мы их разгружали.

Для нас было предусмотрено очень большое жилое помещение с массивной кирпичной печью, очень маленькая комната, где могли спать бабушка и Гудрун, кухня с русской печью, небольшой коридор и входное помещение, где позже мы могли поставить нашу бочку для воды. Туалет, обычный деревенский, находился на участке, примерно в 10 метрах от дома. Там же стоял сарай для дров и угля. Другую половину дома занимала семья Блаше с их маленькой дочерью Маргот.

Когда мы приехали, мы сразу хотели растопить печь в комнате, чтобы высушить всё, но она не тянула, и весь дым шёл обратно в помещение. Эрнст тогда обнаружил, что в дымоходе лежали кирпичи! Когда он их убрал, огонь разгорелся, но потребовалось не менее 3 часов, чтобы печь хоть немного нагрелась. Кухонная печь нагревалась быстрее и распространяла приятное тепло.

В жилой комнате мы с помощью нашего большого шкафа отделили место для наших супружеских кроватей. После того, как мы расставили всю мебель и собирались ложиться спать, в одном месте начало капать с потолка прямо на кровати. Что же делать! Но Эрнст всегда знал выход. Он забил крепкий гвоздь в потолок — он же был деревянным, как и весь дом — и повесил на него ведро. Теперь вода капала в ведро, и мы могли наконец спать. Обычно эти дома были плотными и защищёнными от непогоды, но они были построены «мальчиками». Весь материал, который они считали излишним, они продали. Также, например, углы дома не

езде были плотными. В одном из них, в спальне, свет проникал снаружи. Но со временем Эрнст всё заделал, так что мы могли встретить суровую русскую зиму.

Рисунок 34: С Эрнстом и Гудрун во Фрязино; на заднем плане финские домики; 1947 год.

Путь за покупками теперь стал длиннее. Нам приходилось идти до магазинов примерно полчаса. При температуре минус 20 градусов это было довольно холодное занятие, тем более что нам приходилось идти через совершенно открытую местность без домов. Здесь нам хорошо помогали большие русские шерстяные платки. Их особым образом обматывали вокруг головы, чтобы защитить лоб и шею. Шубы и валенки тоже согревали нас, но руки всё равно сильно мёрзли, хотя в первом же магазине они оттаивали. Мужчины тоже стали ходить на работу дальше. Все носили практичные тёплые русские меховые шапки. Если погода позволяла, дети выходили на улицу и катались с небольшой горки, которую Эрнст построил из снега. Иногда

к ним присоединялись Ута и Гизеля Леглер из соседнего дома. Так они втроём веселились на санках.

С завода привозили уголь для финского посёлка. Однако его не доставляли прямо к домам, а выгружали в центральном месте на улице, для каждой семьи отдельной кучей. Наш уголь находился примерно в 100 метрах от дома. Поэтому мы с госпожой Леглер взялись за работу. Одна оставалась сторожить уголь, а другая везла на санках полное ведро к сараю. Когда она возвращалась, то оставалась у угля, чтобы первая могла отвезти своё ведро. Уголь был хороший, блестящий антрацит. К сожалению, многие куски были настолько большими, что их приходилось разбивать, прежде чем закладывать в печь. Мы занимались этим не менее двух часов, и было очень холодно. Тогда я отморозила себе колени, потому что чулки между валенками и юбкой не обеспечивали достаточного тепла. В последующие годы зимой они каждый раз краснели, но со временем всё пришло в норму.

Как я уже упоминала, в прихожей стояла наша большая бочка для воды, потому что водопровода у нас не было. Доставка воды была задачей Эрнста. Он соорудил из досок и четырёх колёс плоскую тележку, на которой всегда стояла бочка. С её помощью он мог отвезти бочку к колонке, которая находилась как минимум в 100 метрах от нас. Обычно он ходил за водой по воскресеньям, когда было светло. Но однажды ему пришлось отправиться за водой вечером в будний день, и он долго не возвращался. Спустя некоторое время мы вышли в кромешную тьму, но мало что могли разглядеть, так как фонарь, конечно же, был у Эрнста. Вскоре мы увидели в снегу приближающуюся тёмную фигуру, тащившую за собой бочку с водой. Это был он! Камень с души упал.

Что же произошло? Дорога к колонке проходила вдоль забора, ограждавшего территорию склада Советской армии. Поскольку было темно, там стояли часовые. Они остановили Эрнста, направив на него винтовки, и отвели к своему начальнику в лагерь. Там ему пришлось всё подробно объяснять. Затем с ним к колонке пошёл солдат, который следил, чтобы Эрнст действительно набрал воды, и дал понять, что по этой дороге в темноте ходить запрещено. Это был огромный испуг, особенно для Эрнста. Определённо, это не пустяк — встретить в ночи советского солдата, направляющего на тебя винтовку.

Иногда вечером к нам приходил солдат и приносил дрова, которые мы охотно покупали у него за несколько рублей. Однажды он показал кусочек прорезиненной ткани и спросил, не хотим ли мы ее. Когда мы согласились, на следующий вечер он принёс большой рулон. Поскольку на нём не было его толстого овчинного тулупа, мы пригласили его внутрь. Он получил запрошенную цену — это было недорого — и «стакан» водки. Мы спросили его, где же его шинель. «А, она на моём посту», — ответил он. И действительно, когда мы выглянули вслед, то увидели стоящую большую тяжёлую шинель с поднятым воротником и винтовкой на плече! Так что из лагеря никто не мог заметить, что солдат ненадолго ушёл.

Из водонепроницаемой ткани мы сшили куртки, которые позже нам очень пригодились. Это была ткань ещё от немецкой армии, предназначенная для палаток и защиты пушек от дождя.

Да, зима была очень холодной. Температура не поднималась выше нуля. На нашей бочке с водой всегда образовывался тонкий слой льда. Его можно было легко разбить; хуже было с уличным туалетом. Там отходы сначала превращались в холмик, а потом и в целую башню. Поэтому мужчины брались за дело, откалывая замёрзшую массу молотком и зубилом и распределяя её в яме внизу. Работа была не из приятных, но необходимая.

Рисунок 35: Гудрун с её «роллом» в последний день во Фрязино, 1948 год.

Из-за холода русская кирпичная печь больше не справлялась с тем, чтобы обогреть большую комнату до комфортной температуры. Поэтому мы решили немного помочь себе маленькой электрической печкой. Но тут же свет погас, и не только в нашем доме, но и у соседей. Однако Эрнст Леглер и Эрнст Янт разбирались в электричестве. Они ещё ночью забрались на деревянный столб, от которого шла наша электролиния, и заменили предохранитель толстой проволокой. Теперь мы могли немного подогреть комнату, не оставляя всех в темноте. Конечно, это было запрещено, но иногда приходилось идти на риск.

В тот год мы даже получили рождественскую посылку из Германии: от моего отца. Он прислал нам яблоки из своего сада и разноцветные кубики для Гудрун. Яблоки замёрзли в пути,

стали полностью коричневыми, но, к удивлению, всё ещё были вкусными! Мы были очень рады этому тёплому привету из дома.

Самым красивым рождественским подарком для Гудрун стал белый плюшевый мишка, почти такого же роста, как она сама. Его подарил ей «дядя Зигель». Он очень любил Гудрун, и она отвечала ему взаимностью.

У нас была рождественская ёлка из леса. Оттуда же мы брали дрова, которые вдвоём распиливали большой пилой на куски, а затем рубили на поленья подходящего размера для печи. Инструменты мы одалживали друг у друга — это было само собой разумеющимся. Вообще, взаимовыручка среди нас была очень сильной.

В марте наши мужчины пришли домой с новостью, что мы все переезжаем в Ленинград. Мы обрадовались, ведь теперь нам предстояло жить в городе. Вскоре привезли ящики, и началась упаковка вещей.

Для Гудрун я сшила маленький рюкзачок (она называла его «рюкзак на спину»), в котором она переносила свой ночной горшок, потому что на большой туалет она ходить не любила. Когда квартира опустела, Эрнст привязал ей на длинную проволоку с петлёй старую катушку от плёнки. С этой катушкой она носилась повсюду, внутри и снаружи дома, и это было её любимой игрушкой.

Переезд в Ленинград

1 апреля 1948 года началась наша поездка в Ленинград. Снова на поезде, но на этот раз с комфортом в спальном вагоне. Для Гудрун это было захватывающее приключение. Когда она держала в руках свой завтрак, она спросила, можно ли положить его на откидной столик или он тогда «уедет». Ведь она ещё никогда сознательно не ездила ни на чём, кроме спортивной коляски, так как мы не брали её с собой в Москву или Щелково.

Ночью Эрнст, конечно же, обнаружил двух совсем маленьких клопов. Вероятно, вагоны были недавно продезинфицированы, и это было новое поколение насекомых.

По прибытии в Ленинград нас на несколько дней разместили в старом, респектабельном отеле «Нева». Гудрун очень понравился длинный коридор с красной дорожкой, по которой она могла носиться туда-сюда со своей катушкой.

Город нам очень понравился. Наши квартиры находились на окраине; это были большие дома в три или четыре этажа. Их построили немецкие военнопленные, и они всё ещё продолжали строительство — ни один дом не был завершён. Во дворе пленные устроили что-то вроде мастерской: пилили доски и выполняли все подготовительные работы, необходимые для внутренней отделки. Конечно, они не могли разговаривать с нами, но мимоходом можно было обменяться парой слов.

Мы переехали вместе с бабушкой Гюнтер и господином Зигелем в четырёхкомнатную квартиру. Госпожа Гюнтер и господин Зигель получили по комнате, а мы — две. Наша бабушка теперь жила не с нами, а получила комнату на этаж выше в другой квартире. Это было хорошо для нашей семейной жизни, так как в тесных условиях во Фрязино иногда возникали проблемы. Семья Гюнтер оказалась в похожей ситуации. Полгода назад жена господина Гюнтера, Гретхен, приехала с тремя детьми из Дании. Поэтому было лучше, что её свекровь жила в отдельной комнате у нас.

В квартире была ванная комната с туалетом и даже ванна, которая была правильно подключена. Горячая вода поступала от центрального отопления, но, к сожалению, только два раза в год: 1 мая и 7 ноября! Это было для нас слишком редко. Поэтому Эрнст и его коллеги в институте сконструировали большие погружные нагреватели. Мне тоже нужна была горячая вода для стирки, конечно, стирали не каждую неделю. Чаще чем раз в четыре недели — точно нет. Стирать приходилось почти вниз головой на стиральной доске в ванне. Сушить бельё мы могли во дворе. Там даже были установлены столбы для бельевых верёвок.

На кухне, помимо русской железной печи, стояла наша печь из Таннвальда. Для выпечки мы использовали «чудо-печь». Это была круглая форма, похожая на обруч с крышкой, которую можно было сдвигать и раздвигать. Форму ставили на керосинку. Только если тщательно регулировать пламя и правильно управлять вентиляцией, получался пирог. В углу кухни находился мусоропровод — толстая труба, ведущая в подвал. Туда мы выбрасывали весь мусор. Внизу он попадал в большие контейнеры. Этим же путём мы иногда передавали что-то военнопленным. Мы договаривались с ними о определённом времени и затем бросали вниз хлеб и другие продукты, хорошо упакованные. Иногда наши дети приносили им бутерброды прямо во двор. Охранников было мало, и они не были слишком строгими.

Когда дома были почти готовы, за исключением внешней отделки, пленных увезли. Но мы всё же узнали, где они теперь будут работать. Мы, женщины, регулярно навещали их, чтобы принести им что-нибудь вкусное. Мы также брали с собой газету «Правда», потому что

самокрутки из махорки лучше всего получались из этой бумаги. На эти посещения я всегда брала с собой Гудрун. Мы подружились с «дядюшкой Вилли». Он был симпатичным молодым человеком, который, несмотря на тяжёлую работу, всегда носил белую рубашку. Это была его гордость, как он нам рассказывал, и ему приходилось часто её стирать, чтобы она всегда выглядела опрятно.

Рисунок 36: Кухня, Ленинград, 1949 год.

Однажды, незадолго до Рождества, солдаты не были на своей строительной площадке. Мы приготовили особенно хорошую колбасу и рождественское печенье, спрятали их между сложенными дровами, но были пойманы советским солдатом. Нам пришлось всё собрать и отправиться с ним к коменданту. Я собрала всю свою храбрость и не показала страха. Он спросил, что я принесла, зачем и для кого. Я ответила правду, ведь я не чувствовала за собой вины. Военнопленным можно помогать. Он вызвал Вилли Моаха, допросил его тоже, отдал ему продукты и отпустил меня с Гудрун домой. С тех пор мы больше не заходили на

территорию, а стояли у края, пока «дядя Вилли» не приходил, и мы могли передать ему наши гостинцы.

Рисунок 37: Гостиная в Ленинграде; 1949 год.

Наш дом тем временем был окружён лесами, так как его собирались штукатурить. Теперь мы пригласили Вилли Моаха и его друга на небольшой рождественский ужин, потому что они могли в темноте легко добраться к нам по лесам. Через лестничную клетку это было бы невозможно, так как на первом этаже сидел комендант, который никого не впускал в дом, кроме его жителей. Оба они были очень тронуты, что могут сидеть с нами у рождественской ёлки. Несмотря на то, что Эрнст был очень болен, он переоделся в костюм Санта-Клауса и принёс подарки. На этот раз Гудрун его не узнала; позже она рассказала ему у его кровати, что Санта-Клаус приходил и жаль, что он его не видел.

Через несколько месяцев немецких солдат отпустили домой. Дядя Вилли увёз с собой фотографию Гудрун, но, как он нам написал, её изъяли на границе. К сожалению, позже связь оборвалась.

Рисунок 38: Ожидание автобуса в Сестрорецк; 1949 год.

Рисунок 39: В «белую ночь»; 1949 год.

Ленинград нам нравился больше, чем маленькая, отдалённая деревня Фрязино. Мы жили хоть и на окраине города, но автобусная остановка была прямо перед домом. Официально нам не разрешалось отходить дальше чем на 2 км от дома. Если мы шли дальше, например, в город, то должны были образовывать небольшую группу и брать с собой переводчика. Русские утверждали, что это для нашей безопасности. Мы считали, что они хотят держать нас под контролем. Мы, женщины, часто всё равно ходили в город в одиночку, так это меньше бросалось в глаза. Однажды маленькая группа всё-таки пошла и их поймали, в наказание

мужчинам дали неделю домашнего ареста! На работу их всё равно всегда возили на маленьком автобусе и вечером тоже привозили обратно. Но на этой неделе им вообще запрещалось выходить из дома по вечерам и в воскресенье. С тех пор мы стали осторожнее.

Рисунок 40: В Сестрорецке; 1949 год.

На Московском шоссе было несколько магазинов, а примерно в 1,5 км от нас — очень хороший магазин. Мы часто там покупали продукты и могли удобно доехать на автобусе. Рядом также находился парк, Парк Победы. Он был совсем новым, поэтому там не было больших деревьев, но с детьми там было приятно гулять. За домами простиралась пустыря, где летом цвели полевые цветы. Мы часто совершали там вечерние прогулки, особенно наслаждаясь «белыми ночами». В это время солнце ещё светило в половине одиннадцатого ночи, а воздух был мягким и приятным.

Летом большинство из нас почти каждое воскресенье ездило на море в Сестрорецк, на очень красивый пляж. С нами всегда должна была ехать переводчица, но мы не позволяли ей мешать нам. Если погода была не такой хорошей, мы ехали на другом пригородном поезде в Кавголово, маленькую деревню, рядом с которой в лесу находилось красивое большое озеро.

Зимой у нас был абонемент на концерты, и мы посещали оперу. Конечно, мы также осматривали город с его достопримечательностями, дворцы в окрестностях и Петергоф с его позолоченными фигурами и красивыми фонтанами. Сам дворец был разрушен во время войны и постепенно восстанавливался.

У Гудрун не было братьев и сестёр, но у неё было много товарищей для игр, так как почти все семьи жили в одном доме. Большой двор за домами был не самым ухоженным, иногда даже крыса пробегала под кучами досок, но дети могли там прекрасно играть.

Рисунок 41: Петергоф; 1949 год.

Лучшую подругу Гудрун звали «Йелле» (Хайдрун Тем). Она была примерно одного возраста с ней. Они навещали друг друга по очереди, и хозяйка всегда была главной. Другая должна была подчиняться. Это были чёткие отношения. Зимой 1948/49 года вспыхнули дифтерия и скарлатина. Из-за опасности заражения больных детей всегда отправляли в больницу. Больше всего пострадала семья Хоффманн. Оба сына — младший был ровесником Гудрун — заболели дифтерией. Они еще не успели вернуться из больницы, как заболела и мать, госпожа Хоффманн, и умерла.

Мы все собрались у Гюнтеров на траурную церемонию. Я помню уныние на кладбище во время похорон. Было холодно и шел дождь, земля была глинистой, скользкой и полной больших и маленьких луж.

Однажды утром у Гудрун заболело горло, и я испугалась самого худшего. Мы хотели это скрыть, но врач всё равно пришла, хотя мы её не вызывали. Она уже знала, что если один ребенок в доме заболел скарлатиной, то другие тоже могут заболеть. И действительно, у Гудрун была скарлатина, и её нужно было отправить в больницу. Я поехала с ней на машине скорой помощи, получила белый халат и смогла остаться с ней. Вечером я должна была уйти домой и вернуться на следующий день. Я бы предпочла остаться, но у меня была сильная мигрень. Кроме того, я поверила медсестрам, что на следующий день смогу снова быть с Гудрун. Я попрощалась с ней и пообещала, что вернусь. Но на следующее утро медсестры не пустили меня в больницу. Я попросила хотя бы на пять минут, чтобы сказать Гудрун, что из-

за риска заражения я больше не могу к ней приходить. Но они остались непреклонны и сказали, что Гудрун уже давно это забыла. Я обратилась к старшему врачу, который немного знал немецкий, но это не помогло. Меня больше не пустили к ней. Единственное, что мне пообещал старший врач, это то, что маленькие письма, которые я хотела писать Гудрун, будут прочитаны ей. Теперь я каждый день ездила в больницу, чтобы узнать о состоянии Гудрун и приносить ей маленькие подарки: мандарины или яблоки, иногда немного печенья, иногда кусочек шоколада. Я приносила ей игрушки, особенно её старую куклу, которую мы уже убрали, «старую ВаВа», и её маленькую деревянную балалайку.

Примерно через две недели нам разрешили навестить её. Эрнст и я стояли за большим стеклянным окном и видели, как ребёнок стоит в кровати и смотрит на нас с таким недоумением и покинутостью, что у нас на глазах выступили слёзы. Мы крикнули ей через дверь, что скоро заберём её, но она, вероятно, не поняла. Когда мы уходили, Эрнст плакал и рыдал так, как я никогда раньше не видела. Для Гудрун это событие тоже было слишком тяжёлым, потому что на следующий день у неё поднялась температура, хотя до этого всё было в порядке. Наконец, через неделю, мы смогли забрать её и обнять. Она действительно думала, что мы её бросили. Медсёстры были добры к ней, но она не понимала русского, а они не говорили по-немецки.

Из-за вшей всем детям в больнице обрили головы — только не Гудрун. Она, видимо, так громко кричала, что ей разрешили оставить свои красивые светлые волосы. Кроме того, русские особенно любили детей со светлыми волосами. Из-за риска заражения игрушки, которые я приносила Гудрун, должны были остаться в больнице. Только маленькую балалайку медсестра тщательно обработала дезинфицирующим средством, и нам разрешили забрать её.

Когда Гудрун вернулась домой и вошла в гостиную, первое, что она сделала, — подошла к своему большому плюшевому мишке и сказала: «Ах, Пух, я так долго была вдали, но теперь я снова с тобой». При этом она нежно прижала его к сердцу.

Тем временем из Арнштадта приехали ещё несколько инженеров из Fernseh-GmbH. Они остались в Таннвальде и теперь получили настоящий трудовой договор на два года. Среди них был Рольф Мали, которого Эрнст знал уже очень давно. Мы с нетерпением ждали его семью, но он оставил её в Германии.

Недалеко от нас поселилась ещё одна немецкая группа — группа гироскопов. Они занимались разработкой и производством гироскопов для кораблей.

В это время Эрнст завершил важную работу и в качестве награды мог попросить что-нибудь для себя. Он попросил стол для настольного тенниса, который ему и предоставили. Его установили в гостиной, и мы активно играли с Леглерами и Гюнтерами. В конце концов мы пригласили людей из группы гироскопов и устроили небольшой турнир. У них тоже был стол, так что мы могли играть и у них. Мы, конечно, не были профессионалами, но нам это доставляло огромное удовольствие.

Мы, три семейные пары (Гюнтеры, Леглеры и Янкты), иногда устраивали небольшие вечеринки, танцевали под пластинки, которые привёз один инженер из Арнштадта. Это была популярная музыка послевоенных лет. Мы пили много пунша и шампанского, веселились и иногда изрядно напивались.

На зиму мы купили коньки. В соседнем Парке Победы был довольно большой пруд. Со временем он полностью замёрз. Затем лёд треснул, образовались глубокие трещины, но их было немного. Кататься на коньках было очень приятно; я научилась этому там. Леглеры тоже всегда ходили с нами. Однажды было очень холодно, не меньше минус 25 градусов. Мы,

женщины, обмотали головы большими шерстяными платками, а мужчины надели свои меховые шапки. Когда мы вернулись домой, наша бабушка испекла пончики и сварила кофе. Мы с удовольствием всё это ели и сидели вместе в уютной обстановке. Вдруг мы заметили, что уши Эрнста Леглера стали совсем красными и опухшими: он немного отморозил их, потому что из тщеславия не опустил ушные клапаны на шапке. Конечно, его стали подшучивать над ним.

Снабжение к тому времени значительно улучшилось. Это было связано и с тем, что Ленинград получал приоритетное снабжение. Таким образом государство благодарило население за то, что оно стойко перенесло длительную блокаду во время войны. Кажется, продовольственные карточки уже отменили, если и были, то только на мясо или молоко — такие важные продукты. Однако продукты поступали партиями. Тогда молниеносно разносилась весть, что где-то что-то появилось, например, мука или сахар, и сразу выстраивалась длинная очередь. Если ты шёл в город и видел, где-то стоят люди, ты сначала вставал в очередь, а потом уже спрашивал, что дают. Почти всегда этот товар оказывался полезным, и ты был счастлив, если он не успевал закончиться до того, как подойдёт твоя очередь.

Свежие продукты мы покупали в городе на большом рынке. Туда крестьяне привозили свои товары. Всё можно было попробовать. Там было очень хорошее масло, растительное масло, вкусная густая сметана, фрукты, овощи, а также мясо и рыба. Поскольку у нас теперь было достаточно денег, мы могли себе это позволить. По городу ходило много автобусов и трамваев. Личных автомобилей было мало, такси тоже почти не было. Мы никогда не ездили на такси.

Одежду можно было купить, но большая часть выглядела довольно уныло. Поэтому мы купили швейную машинку, и теперь я могла перешивать старые вещи в новые. Иногда попадалась и красивая ткань. Правда, бывало, что потом ты встречал эту ткань на других людях, но это было не так страшно. Также существовали комиссионные магазины, где можно было купить подержанные вещи. Они почти всегда были из Германии. Солдаты забирали их себе, а теперь сдавали в эти магазины. Я купила себе там тёмно-зелёное зимнее пальто с очень красивым меховым воротником. Поскольку оно было немного коротким, я пришила внизу полоску меха. Это выглядело очень стильно.

Мы также купили элегантную пелерину из горноста, которую я надела всего два раза. Сейчас, спустя много лет, она, к сожалению, истлела. Мы тоже предложили что-то на продажу в такой магазин — а именно столовое серебро, которое тётя Грета и дядя Арно «переместили» к нам, когда мы жили в Таннвальде. Оно нашло хороших покупателей, кроме вилок для торта — русские не знали, что с ними делать, они были им незнакомы. Думаю, мы получили за это 400 рублей, что в то время составляло 800 марок. Тёте Грете и дяде Арно деньги были нужнее, чем столовые приборы, ведь их дом был полностью разрушен бомбёжкой, и они получали только социальное пособие. Тётя Грета подарила мне шесть вилок для торта.

1 мая и 7 ноября в Советском Союзе проходили большие празднества с шествиями и военными парадами. Нас просили оставаться дома в эти дни. Мы так и делали, устраивая весёлые праздники, которые, однако, не имели ничего общего с политикой. Такие праздники обычно проходили в квартире Гюнтеров, так как они жили одни и у них было много места. Они освобождали спальню, и мы использовали одну комнату для сидения, а другую — для танцев. Там собиралась вся группа. Госпожа Гюнтер украшала комнаты и столы, и многие старались внести что-то весёлое в праздник. Однажды я исполнила народную песню, господин

Зигель играл на гармошке, а господин Цшау рисовал плакаты, на которых с юмором изображались различные события.

В феврале 1950 года мы устроили два больших карнавальных праздника — один у нас, а другой в группе гироскопов. Уже подготовка доставляла удовольствие. Тема была «Небо и ад». Наша квартира должна была стать небом, а квартира Гюнтеров, которая находилась ниже, — адом. Поэтому квартиры пришлось почти полностью освободить, оставив только места для сидения и маленькие столики. Детей на эту ночь переселили, и они спали в других квартирах. Комнаты были украшены рисунками: наверху из облаков улыбался добродушный Пётр, а внизу над котлом, освещённым красным светом, качался чёрт. В аду было красное освещение, а на небе — синее. Все участвовали в подготовке холодного буфета. Эрнст и Ханс Гюнтер нашли винный магазин, пошли туда на дегустацию и купили портвейн в качестве аперитива, а также вино и шампанское на потом. За вход брали небольшую плату.

Рисунок 42: Карнавал 1950 г.

Это был прекрасный праздник. Много танцевали, смеялись и пели. Утром пили кофе и ели маленькие пончики, а потом все пошли домой спать. Только Гюнтеры и мы сначала должны были собрать наши кровати. Вскоре после этого группа Крейсель устроила свой карнавал. Темой был "Наркоз". Уже у входа тебе символически стучали по голове резиновым молотком и предлагали выпить лекарство (рюмку портвейна). Они тоже украсили все комнаты с любовью. Были вкусные закуски, вино и шампанское. Всю ночь танцевали, а утром, после кофе, разошлись по домам. Видно, что мы не падали духом. Мы не могли изменить нашу ситуацию и старались сделать лучшее из того, что у нас было. Мы все были молодыми людьми

в возрасте от 30 до 40 лет. Выходить куда-то мы не могли, отпусков у нас тоже не было. Поэтому мы иногда отрывались дома.

Возвращение и бегство

Возвращение в Германию

Телевизионные установки в Ленинграде были почти завершены. Осенью поползли слухи, что нас переведут в Ташкент. Мысль о том, что нас могут отправить туда, пугала нас, ведь Ташкент находится в Азии, на юге Советского Союза, с жарким климатом у подножия гор. Это большой город, возможно, даже красивый, но так далеко от родины! Однако всё сложилось иначе. В конце ноября мы узнали, что через две недели нас отправят в Германию. Радости не было предела, и начались сборы. Позже мы узнали, что экономисты и военные обсуждали нашу судьбу. Экономисты хотели оставить немецких инженеров для дальнейшей работы, но военные, а вероятно, и политики, хотели избавиться от иностранцев. Мы были чужеродным элементом, от которого они хотели избавиться. Для нас это было прекрасно; наконец-то мы должны были вернуться домой.

Только троим инженерам, которые частично работали на оборону, не разрешили уехать. Среди них был и Эрнст Леглер. Для этих семей это было тяжёлым ударом, и мы им очень сочувствовали. Никто не сказал им, почему и как долго они должны оставаться. Только когда их отпустили домой год спустя, они узнали, что им пришлось ждать, пока «секреты», которые они могли бы выдать, перестанут соответствовать последним разработкам.

Нам привезли ящики и деревянные рейки, чтобы мы могли упаковать вещи и обшить мебель. Некоторые семьи продали часть своей мебели, мы тоже продали нашу спальню. До отъезда мы спали на матрасах. Все получили компенсацию, но я уже не помню, сколько именно. В любом случае, на эти деньги мы могли купить новую мебель в Германии.

Если я правильно помню, поездка началась 15 декабря 1950 года, ровно через пять лет после нашего отъезда в Советский Союз. На этот раз мы ехали в удобных спальнях вагонах, а наши вещи перевозились в товарных вагонах того же поезда. На границе пришлось перегружать вещи из-за смены ширины колеи. Там же появился таможенник и всё тщательно осмотрел. Поскольку у Эрнста была температура из-за простуды, я вышла на платформу к нашим вещам, чтобы наблюдать за перегрузкой и отвечать на вопросы таможенников. Мне пришлось открыть большой ящик и выложить всё на платформу. Я была в ярости. Конечно, ничего запрещённого там не было. Затем я снова упаковала всё и заколотила ящик. На гвоздях я хотя бы могла выместить свою злость, хорошенько забивая их. Ничего сказать было нельзя, иначе могли возникнуть проблемы.

В немецком поезде нам дали два купе, чтобы ночью каждый мог лечь на скамейку. Мы были в восторге, но самое неприятное было впереди: вагоны не отапливались, потому что нас тянул товарный локомотив! Нам выдали одеяла на ночь, но всё равно было очень некомфортно. Наша бабушка простудилась, потому что разделась и легла под одеяло в ночной рубашке. Хлеб и напитки мы, кажется, взяли с собой. За завтраком мы поставили несколько свечей на подоконник, воображая, что они немного согреют воздух. Другие семьи согревались изнутри водкой.

Главное было то, что мы ехали домой. Это было неописуемое чувство. Хотя мы ещё не знали, как сложится наша жизнь дальше, огромный груз был снят с наших плеч. Мы не знали о различиях между Восточной и Западной Германией.

В лагере для переселенцев в Вольфене нас высадили и зарегистрировали. Я помню, как мы сидели за длинными деревянными столами и ели горячую еду, которую уплетали с

аппетитом. Было время перед Рождеством, поэтому нам пришлось остаться в лагере на праздники. Ответственные лица постарались украсить большой зал, накрыли длинные столы по-праздничному. Там стояла рождественская ёлка, и даже пришёл Дед Мороз, который раздавал детям маленькие подарки и сладости.

Теперь нам нужно было решить, где мы хотим жить. Тогда мы могли бы сразу отправиться в Западную Германию, ведь нашим последним местом жительства в Германии был Берлин-Целендорф. Но мы хотели поехать к нашим родственникам в Дрезден, которых не видели так долго. Мы не имели представления о состоянии Германии и о том, что граница разделила страну на две части.

Нам выдали немного денег и билеты до Дрездена. Радость встречи была огромной. На вокзале нас встречали почти все родственники. Наша бабушка отправилась к своей сестре Труде; у неё она могла первое время пожить. Мы остановились у родителей Эрнста. Они жили в Нидерзедлице на первом этаже небольшого дома. Конечно, было тесно, но мы все не были избалованы комфортом.

Мы пробыли в Дрездене недолго, всего около двух месяцев, потому что Эрнст не смог найти там подходящей работы. В Берлине-Адлерсхофе строился телевизионный передатчик, и его опыт был нужен там. Поэтому мы снова переехали. В Берлине-Хессенвинкеле мы нашли симпатичный дом в аренду. Он был бы домом мечты, если бы не был изначально построен как летний дом. Поэтому зимой его было сложно прогреть. Из сада можно было сразу попасть в просторную кухню. За ней находился подвал, так как участок шёл под уклон от дороги до небольшого озера. Над кухней была красивая гостиная с камином и кафельной печью, а также большая стеклянная веранда, где мы могли играть в настольный теннис. На этаже выше располагались три маленькие спальни, гостиная с крытым балконом, выходящим в сад, и большая ванная комната. Её тоже приходилось отапливать зимой, иначе вода в трубах замерзала.

Из России мы привезли немного мебели: по сути, только кухню, стол и стулья для гостиной, а также что-то вроде стеклянного шкафа, а ещё низкий самодельный шкафчик для радио и динамиков. Родители Эрнста уже купили нам по выгодной цене подержанную спальню. Она была немного старомодной: очень большие кровати, маленькие настенные шкафчики вместо тумбочек и гардероб — всё из тёмного красного дерева. На компенсацию, которую мы получили от русских, мы купили красивую мебель из красного дерева для столовой и два удобных кресла, чтобы можно было сидеть у камина.

Поскольку мой отец после войны, когда стало ясно, что мы не вернёмся в Берлин, отказался от нашей квартиры в Берлине-Целендорфе и продал пианино, он чувствовал себя обязанным найти нам новое. Он раздобыл красивый кабинетный рояль из орехового дерева с чудесным звучанием. На нём я очень любила играть.

Рисунок 43: Дом в Хессенвинкеле, 1951 год.

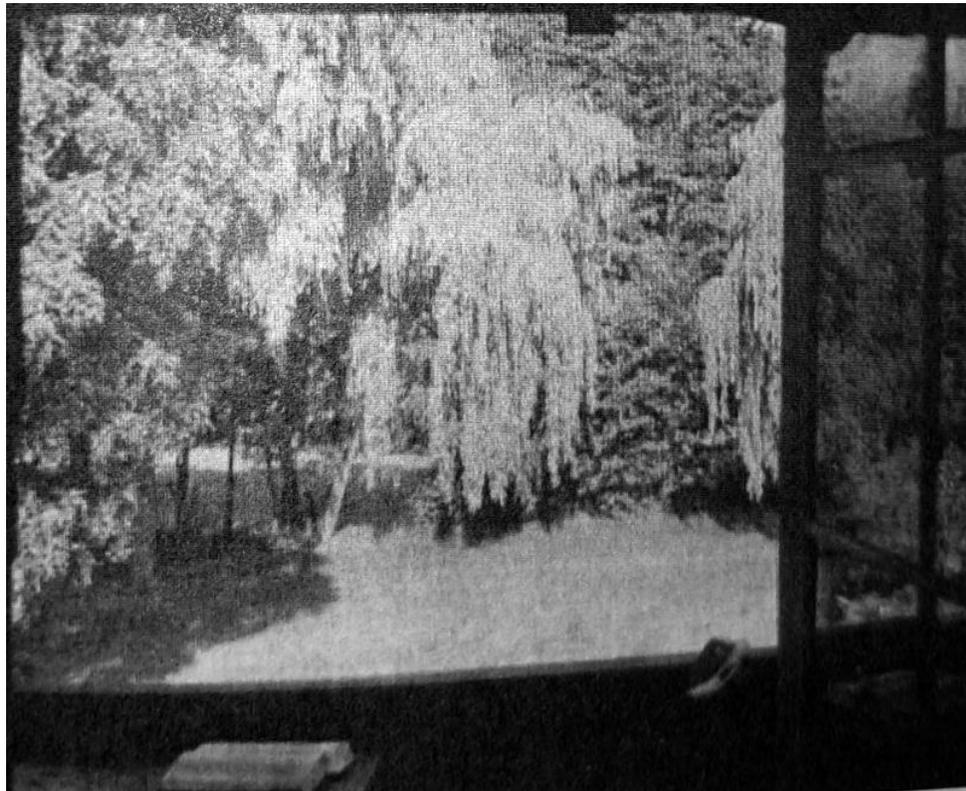

Рисунок 44: Хессенвинкель; вид на сад; 1951 год.

Рисунок 45: Первый школьный день Гудрун, 1951 год.

Рисунок 46: «Служебный автомобиль»; Хессенвинкель, 1952 год.

Зимой приходилось топить и обслуживать четыре печи, но, несмотря на это, в коридоре и на стеклянной веранде оставалось довольно холодно. Я надевала перчатки, чтобы играть в настольный теннис, пока движение не согрело меня. Однако зима также давала возможность кататься на коньках, причем прямо из нашего сада. Гудрун тогда очень быстро научилась кататься. Это выглядело по-настоящему изящно, как эта маленькая фигурка скользила по льду. На близлежащем озере Дэмерицзее тоже можно было кататься на большие расстояния. Зимой 1951/52 года оно было покрыто очень толстым льдом, а местами лед был настолько прозрачным, что можно было видеть дно.

Летом мы жили там, как на отдыхе. Сад был примерно 20 метров в ширину и 50 метров в длину, а последний участок до озера представлял собой настоящий луг, который мы время от времени поручали косить фермеру. По краям росли высокие деревья, а ближе к воде — плакучие ивы. В саду были красивые яблони, большая грядка с клубникой, я посадила помидоры и цветы. Сад, конечно, требовал работы, но он приносил нам много радости. Часто мы приглашали друзей и в хорошую погоду могли наслаждаться кофе и домашней выпечкой прямо в саду. В то время еда имела большое значение. Мы еще не были так избалованы изобилием, как сегодня.

Летом мы часто ходили купаться в озеро Дэмерицзее, вода в котором была очень чистой и качественной. Пляж был так близко, что мы могли отправляться туда прямо в купальных костюмах из дома.

У Гудрун был друг — мальчик-сосед ее возраста. Они много играли вместе. В сентябре 1951 года она пошла в школу. Дорога до школы была приятно короткой, и, насколько я помню, у нее не было никаких проблем. Училась она легко, читать умела еще до школы.

Однако только первый год она провела в этой школе, потому что летом 1952 года мы перебрались на Запад. Там учебный год начинался на Пасху, так что она пропустила полгода и сразу попала во второй класс.

Побег на Запад

Теперь я должна рассказать, как произошел наш «побег из республики». Вообще, нам нравилось жить в Хессенвинкеле. Мы жили среди зелени, но до большого города было легко добраться. В хорошую погоду мы плыли на корабле до Фридрихсхагена, чтобы сесть на электричку, а в плохую — ехали на автобусе. В то время еще можно было без проблем ездить в Западный Берлин, что всегда было небольшим приключением. Когда я впервые купила что-то в западной аптеке, я задержалась в магазине и некоторое время осматривалась, потому что там были все те товары, которые я знала еще с довоенных времен: одеколон 4711, крем Nivea, Persil, Odol и многие другие. Это пробуждало чувство, что мир действительно наступил. На Востоке таких товаров не было, а аналогичные имели иностранные названия. Кроме того, в продуктовых магазинах Западного Берлина так приятно пахло. Это был запах кофе, который в Восточном Берлине все еще был в дефиците. Конечно, для нас все было дорого, ведь наши восточные марки почти ничего не стоили.

Нам жилось не плохо. Эрнст получал хорошую зарплату и ему даже выдали служебный автомобиль, после того как он получил водительские права. Работа ему нравилась, но были проблемы политического характера. Как домохозяйку, меня они не трогали, но мужчины каждый месяц должны были посещать как минимум одно собрание, где их «политически ориентировали». Ханса Гюнтера даже пытались заставить заниматься доносительством. В результате семьи Гюнтер и Цшау решили бежать на Запад. К счастью, они нашли транспортную компанию, которая перевезла все их имущество в Западный Берлин без повреждений. Сами они улетели в Западную Германию, и мужчин с радушием приняли на работу в телевизионную компанию в Дармштадте.

Это вызвало большое беспокойство в Адлерсхофе. Кроме того, через некоторое время поползли слухи, что русские снова хотят заполучить телевизионную группу. Это заставило и нас начать готовиться к побегу в Западную Германию. Такие же планы были у семей Леглер, Блаше и господина Зигеля.

Гюнтеры дали нам контакты знакомых в Западном Берлине, куда мы могли перевозить вещи. Постепенно, в сумках для покупок, я переправляла туда одежду и белье. Это всегда должно было быть немного, так как при переходе из Восточного в Западный Берлин очень часто проводились проверки. Мы не могли вызывать подозрений.

Эрнст установил контакт с американцами в Западном Берлине. Теперь все стало очень напряженно. 20 июля 1952 года мы все должны были собраться в доме в Берлине-Николасзее. Эрнст взял отпуск. У детей были каникулы. Гудрун мы отправили в летний лагерь, чтобы она не заметила приготовлений к переезду. Транспортная компания, которая перевозила вещи Гюнтеров, должна была забрать наши вещи 20 июля, когда мы сами уже будем в Западном Берлине. 19 июля мы под предлогом забрали Гудрун из лагеря и поехали в Западный Берлин на служебной машине. Эрнст вернул машину обратно на Восток и оставил ее там. Тем временем я поехала на электричке к Потсдамской площади и купила чемодан, чтобы упаковать наши вещи. На следующий день мы все встретились в Николасзее, где американцы разместили

нас в прекрасном доме. Он был достаточно большим, чтобы все мы могли комфортно разместиться.

Нас полностью обеспечивали едой. Вечером, когда персонал уходил, нам разрешалось пользоваться винным погребом, чем мы активно пользовались. Особенно в первый вечер, когда мы устроили большую вечеринку. Стресс и страх быть обнаруженными остались позади. Ура, мы были на Западе! Я помню только, как я отбивала ритм музыке двумя крышками от кастрюль, а на следующее утро у меня был жуткий похмельный синдром. Нас попросили не покидать территорию дома, но у нас и не было такого желания, ведь нам там было действительно хорошо. 25 июля нас отвезли на аэродром, и мы полетели на американском военном самолете через Бонн во Франкфурт. Это был мой первый полет, и он показался мне прекрасным. Самолет летел не очень высоко, так что можно было хорошо рассмотреть пейзажи внизу.

В одном из приятных жилых районов нам предоставили жилье в небольших пансионатах. Американцы привезли нас в Западную Германию и теперь заботились о нас. Они хотели получить как можно больше информации о Советском Союзе. Особенно активно расспрашивали мужчин. Где мы жили, видели ли мы заводы, и если да, то где и какие. Каково было настроение среди населения, как обстояли дела с поставками продуктов. Мужчин также опрашивали о их профессиональной деятельности. Эрнста они хотели забрать в США. Ему сделали фантастическое предложение, но он не хотел снова так далеко уезжать от своих родителей. Даже представить невозможно, как по-другому могла бы сложиться наша жизнь.

Первые 2-3 недели мы оставались во Франкфурте. Это было жаркое лето, поэтому мы почти каждый день ходили в бассейн. Мы также гуляли в горах Таунус. Каждый день мы ходили обедать, ведь у нас было достаточно денег. Но когда мы узнали, что потеряли все наши вещи, мы начали экономить. Это был огромный удар. Теперь мы оказались практически ни с чем, только с теми немногими чемоданами, которые успели переправить через Западный Берлин. Позже наша домработница из Хессенвинкеля написала нам, как все произошло: когда транспортная компания загружала наши вещи, соседка вызвала народную полицию. Они связались с фирмой в Адлерсхофе, чтобы узнать, был ли Эрнст на работе. Когда выяснилось, что он и его коллеги взяли отпуск, весь груз всех беглецов был конфискован. Нам пришлось начинать все с нуля. Тем не менее, мы были рады оказаться на Западе и никогда не жалели о своем решении.

Однажды вечером перед сном Гудрун сказала мне: «Ах, мама, иногда мне так сильно не хватает моего Путца!» (Это был ее большой плюшевый мишка, который ей подарил господин Зигель в России). У нее на глазах выступили слезы — и у меня тоже.

Две войны, мировая экономическая депрессия, диктатура Гитлера, пять лет принудительного пребывания в России, бегство из Восточной Германии в Западную; Аннелизе Яндт делится с читателем своим путем выживания в беспокойные времена. Она показывает, насколько полезен может быть юмор и непоколебимый взгляд на настоящее с его повседневными требованиями. Ценный свидетельский отчет.

Аннелизе Яндт, родилась в 1916 году в Дрездене, с 1967 года живет в Пиннеберге. После окончания школы в 1936 году, по финансовым причинам, ей пришлось отказаться от планов изучать математику и она обучалась на помощника коммерсанта. После замужества в 1940 году, она работала с мужем в лаборатории Fernseh-GmbH, а с 1945 года занималась домом и двумя детьми. С 1970 года до смерти мужа в 1980 году она работала секретарем и протоколистом в районном суде Пиннеберга. Аннелизе Яндт является бабушкой трех внуков.